

Кто въ утро зимнее, когда валить
Пушистый снѣгъ, и красная заря
На степь сѣдую съ трепетомъ глядитъ,
Внималъ колоколамъ монастыря;
Въ борьбѣ съ порывнымъ вѣтромъ, этотъ
Далеко имъ по небу унесенъ, — [звонъ
И путникамъ онъ правился не разъ,
Какъ вѣсть кончины иль безсмертья гласъ.

И этотъ звонъ люблю я! Онъ цвѣтокъ
Могильнаго кургана, мавзолей,
Который не измѣнится; ни рокъ,
Ни мелкія несчастія людей
Его не заглушатъ; всегда одинъ,
Высокой башни мрачный властелинъ,
Онъ возвѣщаетъ міру все, но самъ —
Самъ чуждъ всему, землѣ и небесамъ.

Ангель.

По небу полуночи ангель летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И звѣзды, и мѣсяцъ, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ — и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ неслъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Стансы къ Д ***.

1.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди жъ, какъ тяжело это слово
Мнѣ услышать въ устахъ другого!

2.

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной? — едва ли!

3.

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бѣ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поняну я главою,
Хотя бѣ то было предъ судьбою!

4.

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унижить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

5.

Улыбку я твою видалъ:
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей — такъ думалъ я сначала —
Подобной нѣтъ; но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

6.

Я видѣлъ ихъ и былъ вполне
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ — мнѣ больше, чѣмъ родное.

7.

Когда бѣ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно — цвѣтокъ уединенія.

8.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бѣ не взялъ вѣчность.

9.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названіемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнуть ты желанною кончиной! [конечъ
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, снокоемъ былъ
Того, кто былъ вѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ? Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный творцомъ?
Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?